

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1993 г. КАБАКОВА Г.И.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМАТИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

Термин «этнолингвистика» входил в научный обиход Франции постепенно. Уже в 50—60-е годы это слово появлялось в работах некоторых лингвистов (Ж. Сеги, А. Шафф), но официальная история французской этнолингвистики начинается с 1969 г., когда выходит в свет первый справочник (под редакцией А. Мартине) [1], где ей отводится отдельная статья. Впрочем, ее автор, Ж. Шен, не признает за ней статус самостоятельной дисциплины, а только области знаний, представляющей равный интерес как для лингвистов, так и для этнологов. Начиная со следующего, 1970 года, разные периодические издания посвящают специальные номера проблеме взаимоотношений этнологии и лингвистики, языка и общества.

Первая такая дискуссия состоялась на страницах журнала "Langages". В своей статье "Предмет этнолингвистики" [2], на которую по сей день ссылаются те, кто причисляет себя к этому направлению, инициатор выпуска Б. Поттье очертил проблематику, определяющую, по его мнению, специфику этнолингвистики. При этом он выделил три основных области: 1) язык и картина мира (таксономии как лексические, грамматические универсалии), глоттохронология; 2) этнотеории языка, интерпретации (мотивировки, коннотации), графическое и звуковое оформление; 3) язык и коммуникация (разные типы лингвистических ситуаций, дискурсов; языковые контакты). Таким образом, Б. Поттье предложил весьма широкую трактовку задач и предмета новой области лингвистики. По сути дела, понимаемая таким образом этнолингвистика должна была бы охватить практически всю лингвистику. Дальнейшие дискуссии, а главное практическая деятельность исследователей, считающих себя этнолингвистами, значительно сузили сферу ее применения. (Правда, Ж. Калам-Гриоль в своем обзоре «Этнология и науки о языке», описывая состояние науки 1970-х гг., опирается на эту схему и расширяет ее за счет включения множества исследований по фольклору [3].)

Следующим важным этапом в осмыслении специфики этнолингвистики стали два международных коллоквиума, состоявшихся на рубеже 70—80-х годов: "Теория в этнолингвистике" и "Лингвистика, этнология, этнолингвистика" [4—5]. Целью их было собрать специалистов разного профиля — лингвистов, этнологов, социологов и т.п., интересующихся этнолингвистической проблематикой. Несмотря на то, что вторая из упомянутых встреч была составной частью съезда французской ассоциации антропологов, подавляющее большинство участников были как по образованию, так и по характеру научных занятий лингвисты. К огорчению организаторов, "чистые" антропологи на коллоквиумах не присутствовали. Одно из возможных объяснений такого безразличия кроется в исповедуемом этнологами по сей день традиционном отношении к языку лишь как

к вспомогательному коммуникативному средству, позволяющему собирать необходимую информацию. Их индифферентность отразилась, в частности, и в том, что подобный подход был сформулирован и проанализирован не представителями наук об обществе, а опять-таки лингвистами. На первой из упомянутых конференций — более теоретической, чем практической, как следует уже из названия, — были рассмотрены разные трактовки самого понятия "этнолингвистика". Пожалуй, лишь пограничное положение этой дисциплины не вызывало сомнений ни у кого из присутствующих (ее, например, сравнивали с летучей мышью — героиней басни, выдающей себя то за птицу, то за мышь в зависимости от обстоятельств).

Наибольшие споры вновь вызвало определение самого предмета исследования. И здесь необходимо выделить две главных концепции. Первая опирается на положение, высказанное еще в 1925 г. Э. Дюркгеймом: «Понятийная система, которой мы пользуемся в повседневной жизни, содержится в лексическом составе нашего языка. Эти понятия суть коллективные представления, через которые общество осмысляет собственный опыт». Эта гипотеза, как известно, была поддержана и развита, с одной стороны, Э. Бенвенистом ("язык окружает общество, содержит его в своем понятийном аппарате ... он структурирует общество, устанавливая то, что можно назвать социальным семантизмом"), а с другой — Сэпиром и Уорфом ("мы воспринимаем окружающий мир, руководствуясь грамматической структурой родного языка").

Из подобной трактовки взаимоотношений языка и общества естественным образом вытекает задача исследовать культуру данного общества через изучение его языка. До известной степени она близка позиции этнологов, для которых главным предметом исследования остается общество, экстралингвистическая реальность, воспринимаемая через призму языка. В таком случае этнолингвистика оказывается лишь вспомогательной дисциплиной, составной частью этнологии, и ее было бы точнее определить как "лингвистическую этнографию" (имея при этом в виду, что термин "этнография" имеет отчетливо негативные коннотации в современном французском научном обиходе — в отличие от "этнологии"). Она противопоставляется "этнографической лингвистике" (которую филологи часто считают "собственно этнолингвистикой"), "этнологической" или "антропологической лингвистике", объектом которой остается сам язык, в той мере, в какой он отражает традиционные "знания" (понятия, верования, но также и трудовые навыки и т.п.). В отличие от классической лингвистики язык изучается не феноменологически, но *sub specie culture*, а этнология в таком случае оказывается — в свою очередь — вспомогательной дисциплиной для этнолингвиста.

Однако такое резкое противопоставление "лингвистики этнологов" и "этнографии лингвистов" выглядит, на наш взгляд, чрезмерно схематичным и на практике не встречается. Все принявшие участие в дискуссиях подчеркивали, что их интересует прежде всего взаимодействие языка и культуры. Вопрос лишь заключается в том, как, при каких условиях оно оказывается возможным.

Важным вкладом в дискуссию о статусе этнолингвистики, о ее взаимоотношениях с этнологией стала статья африканиста Э. Бонвини [6], которая с наибольшей четкостью формулирует другое понимание предмета этой новой науки. Хотя все сторонники этнолингвистики постоянно подчеркивают комплексный ее характер, в понятие "комплексный" вкладывается разное содержание. Порой имеется в виду взаимодополняемость двух разных дисциплин и присущих им методик, часто подчеркивается необходимость их синтеза, однако, на практике примеров подобного синтеза не встречается. Бонвини предлагает этнолингвистике вначале смириться с тем, что наука «промежуточная», пограничная (*interdiscipline*), и утвердиться именно в таком качестве: только тогда она сможет завоевать право стать полноценной дисциплиной. Для этого она должна изучать

в с ю "речевую реальность данной конкретной группы, без всякого исключения", т.е. обратиться и к анализу других "языков" (например, жестов, рисунков, и т.д.), составив полный список таких речевых форм и исследовав каждую форму речевой деятельности в соотношении со всеми прочими, анализируя роль каждой в процессе жизнедеятельности данной группы. Иначе говоря, такой подход трактует культуру не как контекст речи, а как главное содержание социально-исторического опыта, который может быть передан только с помощью языка.

Отправной точкой для анализа языковой коммуникации (то, что в американской традиции называется "этнографией коммуникации") служит схема анализа коммуникативного акта, предложенная Р. Якобсоном и дополненная Д. Хаймсом. Такой акт интерпретируется как составная часть всех социальных отношений в данной группе. При этом неперенным условием анализа является присутствие самого исследователя — или даже еще более активная форма его участия, вплоть до самоанализа — при акте коммуникации (Д. Рей-Ульман; Ж.К. Дэнгирар). Из этого постулата следует, что объектом анализа в этнолингвистике может стать любой речевой акт с учетом всех условий и обстоятельств коммуникации, как и любая социальная среда. Так утверждал еще в 1970 г. Б. Поттье, "полем исследования может быть как бульвар Сен-Мишель, так и Огненная Земля".

Однако в поле зрения французских ученых значительно чаще оказываются "экзотические" общества, традиционные, как правило, деревенские культуры, а отнюдь не городская среда. В этом смысле этнолингвистика оказалась парадоксальным образом преемницей установок — подчас сознательных и эксплицитно выраженных, а чаще подспудных — французской этнологии, искони ориентировавшейся на полевые исследования в многочисленных африканских колониях и лишь в последние десятилетия открывающей для себя Францию.

Именно такая ориентация отразилась в названии научного центра, созданного в 1976 г. и специализирующегося на этнолингвистических исследованиях, — "Лаборатория языков и цивилизаций, имеющих устную традицию" (Laboratoire des Langues et civilisations à tradition orale — LACITO). При этом подразумеваются языки и общества, не обладающие письменностью. В силу такой установки в задачу этнолингвиста часто входит и первичное описание структуры данного языка, диалекта и т.д., и накопление корпуса текстов. Этой проблематике в 1971 г. был посвящен специальный коллоквиум, в котором приняли участие многие ученые, впоследствии ставшие сотрудниками Лаборатории [7], а также публикация трехтомного вопросника, способствующего наиболее полному сбору полевого материала — как лингвистического, так и этнографического [8]. В этом смысле французская этнолингвистика, опирающаяся прежде всего на устные тексты, противопоставляет себя филологии, имеющей дело с текстами письменными.

Не менее важным для самоопределения этнолингвистики было обсуждение вопроса о ее взаимоотношениях с близкими ей дисциплинами. С одной стороны, вопрос может быть решен достаточно простым и формальным образом: различия заключаются в специфике предмета исследования. Если психоллингвистика изучает преимущественно субъект коммуникации, социоллингвистика — языковое поведение социальных групп, то этнолингвистика исследует язык в социокультурном контексте. Именно поэтому последняя подчас рассматривается как ответвление социоллингвистики, специализирующееся на анализе так называемых "примитивных" обществ (такую интерпретацию можно, в частности, найти в статье "Этнолингвистика", помещенной в Большом Ларуссе [9]). Более убедительно выглядит предложение Ж. Калам-Гриоль различать социоллингвистику как дисциплину, изучающую отношения между языком и обществом, и этнолингвистику, исследующую взаимоотношения общества и речи. С другой стороны, применяемые и в социоллингвистике, и в психоллингвистике во многом близкие методологии свидетельствуют скорее о большом разнообразии — при разно-

голосице — в определении специфики каждой отдельной дисциплины, а значит, и об относительной условности такого разделения.

Наиболее проблематичными выглядят взаимоотношения этнолингвистики с такой разработанной во французском языкознании областью, как диалектология. В упомянутых дискуссиях участие специалистов-диалектологов оказалось достаточно маргинальным, если не считать самого Ф. Альваресса-Перейра, который подробно проанализировал состояние устной культуры в западных областях Франции [10, 11], в конференции 1979 г. участвовал Ж.К. Дэнгирар, применивший этнолингвистическую методику в своем исследовании долины Жерса (Гасконь) [12]. С его точки зрения, специфика этнолингвистики применительно к современным диалектологическим исследованиям заключается в особом внимании к семантическому анализу и в использовании в качестве основных источников фольклорных текстов (песни, сказки, предания и т.д.), а также топонимики (насколько нам известно, мало кто из этнолингвистов обращался к анализу географической терминологии) и антропонимии.

Для Дэнгирара "этно(графическая)" и "этно(логическая) лингвистика" — две неразрывно связанные стадии единой этнолингвистической процедуры, которая основывается на фиксации и непредвзятом описании возможно более широкого круга языковых фактов, поскольку априори исследователь не может судить об их культурной значимости. Но в отличие от большинства французских этнолингвистов, работающих, повторим, с бесписьменными традициями, специалист по французской диалектологии располагает также материалом (языковым и этнографическим), допускающим и диахронический анализ. Исследование Дэнгирара, выделяется на общем фоне диалектологических работ не столько даже методикой, сколько проблематикой, подсказанной во многом "этнолингвистикой устной культуры" Ж. Калам-Гриоль. Много места в своей диссертации он уделяет морфологии фольклорного текста (прежде всего сказки), "народной металингвистике", (наподобие народной астрономии или этноботаники), т.е. традиционным представлениям о языке и речи.

Отсутствие контактов между подобными этнолингвистами или диалектологами, работающими в основном в научных центрах при провинциальных университетах, заслуживает тем большего внимания, что близится к завершению начатая по инициативе Доза грандиозная программа «Этнографических и лингвистических атласов» всех исторических областей Франции¹. Соотношение этнографического и лингвистического начал варьирует от атласа к атласу в зависимости от теоретических установок и личного выбора авторов, но в целом для всех атласов характерно разделение, даже «разведение» картографируемого материала на диалектологический (здесь преобладает лексика, но имеются также и элементы фонетики, в меньшей степени грамматики и синтаксиса) и «технологический» (предметы материальной культуры), причем последний носит характер "иллюстраций". В этом смысле атласы вполне соответствуют своему названию: они являются потенциальным богатейшим источником как для лингвистических, так и для этнографических исследований, но простое сочетание этих двух составляющих не означает появления этнолингвистического атласа. Драматизм этого крупнейшего научного проекта заключается в том, что он весьма мало используется как лингвистами, так и этнографами (отчасти в силу вышеуказанной "колониальной" ориентации французской науки, отчасти в силу непрестижности этой области знания, которая

¹ Напомним, что первым начал выходить Атлас Лионне (1950), за ним последовали атласы Гаскони (1954), Центрального Массива (1957), Шампани и Бри (1966), Эльзаса (1969), Центра (1971), Запада (1971), Юры и Северных Альп (1971), Франш-Конте (1972), Иль-де-Франса и Орлеанне (1973), романской Бретани, Анжу и Мена (1975), Прованса (1975), нижней Бретани (1977), германоязычной Лотарингии (1977), западного Лангедока (1978), франкоязычной Лотарингии (1979), Нормандии (1980), восточного Лангедока (1981), о. Реюньон (1984).

на практике означает расхождение между работами местных краеведов-фольклористов и этнологов; самоопределение "этнограф" в подобных обстоятельствах выглядит как экстравагантность).

Основная причина, однако, кроется в отторжении методологического подхода, определенного еще Жильероном и Эдмоном, основой которого является картографирование разных означающих одного означаемого. Правда, ситуация начала немного меняться в 60-е годы: Ж. Сеги, автор "Атласа Гаскони", посвятил последние годы жизни разработке теории "диалектной коммуникации", которая, однако, не получила при его жизни признания. Впоследствии многие его тезисы были развиты не только его учеником Дэнгиаром, но и группой этнологов и лингвистов из тулузского Пиренейского института антропологических исследований и из Центра Окситанских исследований при университете Монпелье. В статье "Перспективы окситанской этнолингвистики" [13] Д. Фабр, Ж. Лакруа и Р. Лафон, члены этого центра, применили методику вычисления лингвистического расстояния Сеги и сопоставили его с "демо-генетическим" расстоянием (имеются ввиду, например, данные по эндогамии—экзогамии). Это сопоставление информации разного уровня позволяет перейти от традиционной диалектологии к диалектной социо- и психолингвистике (изучение устной и письменной диглоссии или даже триглоссии, языкового самоощущения носителей диалекта или малого языка и т.д.). Таким образом, этнолингвистика как способ выражения национального самосознания (а для окситанской культуры проблема эта более чем актуальна) может стать одним из аргументов в большой языковой политике.

В качестве одной из насущных задач авторы предлагают дополнить этнолингвистику речи этнолингвистикой текста, что, однако, требует четкости в функциональном определении "текста", поскольку предлагаемая ими дефиниция "культурно значимый отрезок времени" оставляет открытым вопрос о критериях. Кстати, некоторые представители "окситанской школы" — К. Равье и Ж.К. Бувье — стараются ввести в обиход термин "этнотекст": им может быть любой устный или письменный текст который содержит "этнологическую, историческую и лингвистическую информацию" ([14, ср. 15]) Но на практике любой текст подходит под это определение. И по сути, анализ мифологических текстов выходит далеко за пределы лингвистики (правда, К. Равье и не настаивает на "этнолингвистичности" своего исследования).

Подводя итоги дискуссии, организатор конференции в ЛАСИТО, Ф. Альварес-Перейре, вынужден был констатировать, что разногласие в выборе предмета исследования соответствует пестрота применяемых методик, но также и отсутствие специфических, присущих лишь этнолингвистике приемов анализа. С другой стороны, как показала практика двух последних десятилетий, отсутствие стройной теории нового направления само по себе не является препятствием для ежегодного появления все новых диссертаций, посвященных этнолингвистической проблематике.

У истоков обширной традиции "этнографии коммуникации" находится, безусловно, фундаментальная работа Ж. Калам-Гриоль "Этнология и речь. Слово у догонов", опубликованная в 1965 г. и затем переизданная [16]. В нем автор, определяя характер своего исследования, пока еще не употребляет термин "этнолингвистика" (это произойдет позже, в 1970 г., на страницах уже упоминавшегося журнала "Langages"), а использует термин М. Коэна [17] "социология речи". Объектом анализа становится "теория и практика" слова у догонов, народа, проживающего в Мали, и насчитывающего в 1950-е годы четверть миллиона; своей широкой известностью этот народ обязан многочисленным публикациям М. Гриоля [18—21], отда исследовательницы, и его учеников. Обильная библиография работ, посвященных догонам, обусловила и структуру "Этнологии и речи": изучению устной культуры (oralité) — как повседневной, так и ритуальной, —

предшествует разбор "теории" слова и речи, мифов, касающихся их происхождения.

В своем анализе речи Ж. Калам-Гриоль исходит из строгой структурированности картины мира в концепции догонов, о чем писал ранее и М. Гриоль, подчеркивавший, что дух порядка упорядоченности пронизывает все, даже и сам беспорядок. Главным средством организации мира служит Слово (sə), контекстуальные значения которого покрывают все области речевой — и шире интеллектуальной — деятельности, начиная от процесса зарождения мысли ("внутреннего слова" или в дословном переводе — "слова, находящегося в печени", так как печень во многих африканских культурах мыслится как центральный орган человеческого организма) вплоть до его окончательной реализации — языка, речи, повествования и даже поступка. Слово — это прежде всего Знание о мире, который устроен по образу человеческого тела, мельчайшая деталь которого имеет смысл, значение или, по выражению догонов, содержит в себе "слово о мире", а значит, подлежит "прочтению", "расшифровке", которой с увлечением и упорством предаются не только ученые, но и их информанты. Эта тотальная "символизация" (в терминологии Калам-Гриоль), "знаковость" становится в монографии Калам-Гриоль отличительной чертой не только космоса, но и описывающего его языка.

Слово, представляемое как "эманация" человеческого существа и как средство, позволяющее войти в контакт с другими, осмысливается как образ и подобие человека. Его "тело" (звуковая оболочка) состоит из четырех элементов: воды (слово немыслимо без слюны, без воды, которую в виде пара можно разглядеть у рта говорящего), воздуха (дыхания), земли (она придает слову "вес", благодаря присутствию земли слово из простого шума оказывается речью), огня ("теплоты" слова). Соотношение этих важнейших компонентов, а также и такого узлового понятия, как "жизненная сила", или дух, и определяет разные модальности речи, разные типы дискурсов. В свою очередь и формирование слова в человеческом организме описывается как сложный физиологический процесс, в котором принимают участие практически все органы, от мозга до печени. Слово может быть описано (и прочитано) в разных кодах — на уровне физиологии оно, подобно семени, участвует и в акте зачатия, и в родах, на "технологическом" уровне оно сравнимо с кузнечным делом ткачеством, земледелием и приготовлением пищи.

Но классификационные структуры мотивируются также и мифологическим происхождением как самого дара слова, полученного предками, первыми людьми, сошедшими с неба, так и разных типов речи. Всего их 48, каждый возводится к одному из предков и означает определенную речевую ситуацию, занятие, соответствует части тела, кодируется животным и растением. При этом практически каждый тип обладает собственным рисунком-символом, цель которого — увековечить "слова", обновить их жизненную силу. И наоборот, те слова, которым догоны желают скорого исчезновения, не имеют собственных рисунков (так, например, дело обстоит со "словами при месячных", нечистом состоянии женского организма).

Собственно "социологии" или "социальной феноменологии" устной культуры посвящена вторая половина книги, где Калам-Гриоль прослеживает все этапы освоения речи ребенком. На первом этапе, находясь всецело на попечении матери, он овладевает лексикой, относящейся к человеческому телу, дому, а на втором этапе должен познать внешний мир и с помощью отца и всех окружающих перейти с диалекта матери на диалект отца (надо учесть, что диалекты догонов сильно разнятся между собой). Развитие девочки проходит через большее число этапов, маркируемых каждый раз новыми операциями на теле. Эти "переделки, усовершенствования" тела (вроде протыкания ушей, носа) служат и целям освоения ею дара речи.

Монография Калам-Гриоль по сути соединила в себе оба типа этнолингвистических исследований: условно говоря, "таксономический", или посвященный "этнознаниям" (с той оговоркой, что объектом классификации и семантического анализа выбран не сегмент материального мира, а речевая деятельность) и "этнокоммуникативный".

Эта разновидность этнолингвистики с годами все более сосредотачивается на изучении фольклорного текста как такового. Специфически этнолингвистическим, по мнению Калам-Гриоль, является анализ с учетом двойного — лингвистического и культурного — кода, которым владеют в равной мере как исполнитель (производитель) текста, так и его аудитория. Социальная функция текста выражается в правилах и запретах, регулирующих производство текста, выбор жанра в зависимости от конкретных обстоятельств. Не меньшее внимание уделяется, помимо этого, всему "нарративному коду", т.е. совокупности жанров, а также анализу языка и стиля произведения. Исследование устной культуры подразумевает, кроме того, фиксацию (и интерпретацию) интонации и жестов, сопровождающих повествование. (Подробно эта проблематика освещается Ж. Калам-Гриоль в статье "К исследованию нарративных жестов" [22].)

Таким образом, многие исследователи имеют трехступенчатую структуру: анализ языковых (и неязыковых) средств выражения предвзывает выявление морфологии текста (на основе сопоставления разных вариантов), а затем его герменевтики, "глубинной семантики". Такая схема может быть приложена к изучению всей устной культуры одного этноса или отдельного жанра: так, к примеру, К. Сейду в статье "Девиз в культуре фульбе" приходит к выводу, что девиз носит характер своеобразного лингвистического ритуала, функция которого не исчерпывается только называнием (в отличие от личного имени, клички, имени клана), но подразумевает также и заклинание [23].

Помимо анализа фольклорных жанров, этнолингвистика "устной культуры" исследует специфические ритуальные языки — язык инициационных обрядов, язык шаманов и т.д. Но наряду с этим все большее место уделяется изучению отдельных тем и мотивов фольклора, преимущественно сказочного, и мифологии. Примером тому может служить основанный и руководимый Ж. Калам-Гриоль журнал "Cahiers de littérature orale" (на сегодняшний день вышло 30 номеров), отдельные номера которого посвящались таким темам, как образ короля, дьявола, похоронные песни, литература индейцев и т.д.

Но если такой "мотивный" анализ фольклора выходит уже за пределы этнолингвистики, каков бы расширительное толкование ни придавалось этому термину, то "социология" устной культуры может стать предметом этнолингвистики. Так, в своей монографии "Литературные билингвизмы. Социальное значение устной литературы у чокосси (Того)" Д. Рей-Ульман [24] строит анализ устной культуры исходя из анализа социальной структуры общества. В той мере, в какой устройство африканского общества отличается от европейского, сам термин билингвизм наполняется специфическим содержанием. Если во Франции билингвизм подразумевает дистрибуцию литературного языка и местного наречия, то для культуры чокосси исследовательница выявляет билингвизмы разного уровня: "официального", т.е. социально обусловленное использование языка отца и/или матери, и "неофициального", в котором разные языки закрепляются за разными сферами: так, "иностраный" (вообще чужой) язык допускается в сказках и ритуалах. При этом ритуальная жизнь, находящаяся по большей части в введении женщин, происходит в ночное время. Во всех случаях билингвизм является порождением и выражением социальных отношений неравноправия: если днем он реализуется в акте коммуникаций между представителем власти и "народом", то ночью власть принадлежит предкам, от имени которых и исполняются ритуальные песни.

Отличительной чертой французской этнолингвистики является постоянное

обращение, во-первых, к американским источникам (как правило, к работам Делла Хаймса), а во-вторых, использование методик, выработанных другими гуманитарными науками. В такой ситуации этнолингвистика становится промежуточным звеном между анализом собственно лингвистическим и собственно этнологическим. Компетенция этнолингвиста необходима там, где обнаруживается недостаточность лингвистических методов, не учитывающих социокультурную реальность. Таким приоритетным объектом оказываются для этнолингвиста "языковые употребления" (*usages, pratiques langagières*), трактуемые в их социальном (а не чистом лингвистическом) аспекте.

По подобной трехступенчатой схеме — анализ лингвистический, этнолингвистический и, наконец, этнологический — строится, например, диссертация С. Зервудацки "Шутка в деревенском кафе в Греции", методологическая специфика которой определена автором как "микроэтнография коммуникации: опыт диалогового анализа" [25]. Методика американских социологов (Сякурель, Герфинкель, Сакс и др.), применявшаяся ранее исключительно к американскому среднему классу, использована автором для анализа одной минуты разговора, записанного в греческой деревне. Анализ показал отсутствие существенных отличий в функционировании диалога как интерактивного явления. Напротив, характер, а главное цель использования в устной речи таких устойчивых в греческом фольклоре жанров, как анекдот и загадка, значительно отличаются от других этнических традиций. Так, шутка, смех не являются самодостаточной языковой деятельностью, ценность остроты определяется ее адекватностью конкретной ситуации, ее продолжением в другом регистре. Автор показывает, что для построения универсальных моделей дискурса помимо уровня собственно дискурса, диалога с присущими ему правилами, надо учитывать слой существующих в культуре языковых практик. В данном случае ими становятся фольклорные жанры. При этом для этнолога важно, что они актуализируются в речи старшего поколения.

Шутка и загадка в речи стариков имеют воспитательно-иницирующий смысл (что характерно и для многих архаичных обществ). Но смех, как известно, служит лучшей защитой от страха, в данном случае перед наступлением новой цивилизации, в которой старость ассоциируется с архаизмом, а молодость с новаторством. Их верность традиционным языковым клише оказывается наиболее эффективным способом закрепления символической ценности архаизма в контексте современного индустриального общества. Альтернативой такой стратегии, по мнению исследовательницы, являются девалоризация речевого статуса старшего поколения и неизбежное вымирание всей традиционной культуры (несмотря на живость таких "экзотических" ее атрибутов, как национальная одежда и др., ср. в других областях Греции). Таким образом, объектом этнолингвистического анализа в данной работе становится функционирование в повседневной речи не столько готовых фольклорных текстов, сколько их моделей. Но определение смысла этой процедуры, ее социальной стратегии, по мысли автора, находится уже в компетенции этнолога (или антрополога).

Как мы указали в начале нашего обзора, важным течением французской этнолингвистики является то, что Поттье, а затем и Калам-Гриоль называют "изучением картины мира", иначе говоря, исследования, посвященные отдельным семантическим группам или полям. Наиболее разработанными областями оказались этнозоология, этноботаника (и отчасти связанная с ней народная медицина), поскольку они лучше всего поддаются классификации, а также потому что во Франции существует богатая этнологическая традиция изучения технологии и народных знаний о природе, связанная прежде всего с именем А. Одикура. Некоторые этнолингвистические работы, посвященные данной тематике, опубликованы в двухтомном сборнике в честь этого ученого [26].

В этой же традиции составлен трехтомный атлас "Рис в юго-восточной Азии" под общей редакцией Н. Ревель [27].

Другими важными темами семантических исследований стали выражение пространственно-временных представлений [28, 29], цветообозначения [30], названия частей тела [31, 32], терминология родства, антропонимия. Поскольку методологические установки и подходы исследователей значительно варьируют, мы позволим себе подробнее остановиться на трех диссертациях, ставших впоследствии монографиями и выполненными на разном — и тематически, и географически — материале.

Одной из редких работ, посвященных европейской традиционной культуре, является диссертация Ж. Дреттаса "Мать и орудие. К семантическому анализу современного деревенского ткачества в Болгарии" [33], удостоенная премии Французской академии. Описание терминологии этого архаичного ремесла сопровождается тщательным описанием самого технологического процесса, начиная с обработки исходного материала и вплоть до конечного продукта — тканей и традиционных узоров. При этом в поле зрения исследователя попадают и календарные запреты, регулирующие ткаческое производство, и некоторые связанные с орнаментикой фольклорные сюжеты (анализ песни о ласточке), и отчасти система социальных отношений (в частности, схема передачи знаний, наследования и т.п.). Лексикографическое описание ткачества представлено в монографии большим корпусом текстов, записанных по всей Болгарии, опубликованных как в фонетической транскрипции, так и в переводе на французский и, главное, снабженных основательным научным комментарием. Таким образом, устный диалектный текст становится объектом того, что во французской традиции называется "филологическим исследованием", т.е. анализом письменного памятника.

Выбор для анализа сегмента традиционной материальной культуры исследователь мотивирует прежде всего "зримостью, осязаемостью", материального референта. Именно поэтому такое большое место уделено в монографии изобразительному материалу: рисункам, схемам, фотографиям. Напротив, при изучении, например, демонологических персонажей в силу характера самого референта, а также специфики источника информации неизбежны семантические потери. (Отметим, однако, что сложность подобной задачи не помешала Дреттасу заняться впоследствии анализом феномена вампиризма в Греции [34] и Болгарии.) Методологические задачи заключаются в применении структурного анализа к диалектному материалу и к исследованию семантики, которой, по мнению Дреттаса, классический структурализм не уделял должного внимания. Другой важный постулат автора также во многом противоречит установкам структурализма и восходит к марксистскому типу анализа. Так, Дреттас настаивает не столько на "экзотизме", культурной специфике своего материала, сколько на его эволюции. Лексические изменения отражают изменения социальные: постепенное превращение ткачества из индивидуального, женского занятия в ремесленное мужское производство, ориентированное на рынок, сопровождается рядом семантических сдвигов, ростом числа специфических технических терминов. Подробность лексической детализации определяется, по мысли автора, общественно-историческими условиями; "слабой вербализации" женщин, занимающихся ткачеством у себя дома, противостоит обильная в основном за счет заимствований лексика красильщиков.

Если диссертация Дреттаса сосредоточена на описании одной области "этнознаний" (ethnoscience), то М. Террьен, посвятивший себя изучению эскимосов, населяющих арктическую часть Квебека, в диссертации "Тело инуитов" [35] формулирует свою задачу несколько иначе (хотя речь здесь тоже идет о реконструкции традиционных знаний). В цели работы входит не только представить таксономию частей тела, показать ономастологические модели, но

также и выявить лежащие в ее основе концепты. Такого рода исследованию способствует сама структура эскимосского языка, агглютинативного по своей природе, в котором большая часть лексики имеет прозрачную внутреннюю форму, а язык оказывается в значительной степени метаязыком. Высоко развитая полисемия позволяет с помощью анатомической лексики описывать весь окружающий мир: прежде всего дом и транспортные средства (байдарки), орудия труда, оружие, но также и небо и море.

М. Террьер показывает также и сосуществование двух языков внутри эскимосского языка — профанного и сакрального, т.е. языков шаманов, которые содержат две параллельные структуры описания человеческого тела. Важно при этом, что в основе этих двух классификаций лежат два разных подхода. Если повседневный язык исходит из пространственной концепции тела, то для шамана важнее его "кинетика", движение: так, зрачок — это "то, что смотрит", колено — "то, что служит для ухода", стопа — "то, что опирается на землю" и т.п. Детальный семантический анализ демонстрирует, что такой термин, как *inuk* (эскимос), содержит в себе по крайней мере три узловых понятия, охватывающих как биологическую, так и социальную реальность: человеческое существо, владелец и житель.

Семантический анализ является также отправной точкой исследования Э. Клодо, посвященного терминологии родства у туарегов и полемически названного "Семантика на службе антропологии". В самом деле, компонентный анализ применительно к данной области лексики, казалось бы наиболее структурированный, дает, как показывает Клодо, весьма скромные результаты. Более плодотворным оказывается подход, при котором построению семантической модели предшествует анализ экстралингвистических фактов. И в этом смысле автору ближе позиция антропологов: "структура означающих (лингвистических знаков) коррелирует со структурой социально релевантных означаемых, язык в таком случае содержит взгляд на мир, который должен быть в свою очередь поставлен в связь с жизненным опытом социальных субъектов и функционированием общества. Для лингвистов же означающие представляют собой самоценную систему, структура которых может быть выявлена при наложении на нее означаемых" [36].

Сделав выбор в пользу первого методологического подхода, Клодо применяет двуступенчатый семантический анализ, соответствующий двум этапам познания. На первом реконструируется структура системы родства в том виде, в каком она представляется самим носителям языка. На втором эта модель сама оказывается лишь формой выражения (означающим) структуры общества, которую автор называет бессознательным означаемым (*signifié inconscient*). При этом релевантными оказываются отношения сотрудничества, благодаря которым осуществляется производство продуктов, необходимых для выживания данной социальной группы. Поэтому проанализировав характер производства, распределения, условия заключения браков, принципы наследования и другие общественные отношения, традиционно являющиеся объектом изучения социальной антропологии, Э. Клодо констатирует, что лингвистическая и социальная структуры родства не совпадают. Самым показательным является противоречие между лексически однолинейной номинацией родства, отсчитываемой от матери, и двусторонней по сути системой родства. Объяснение подобной нелогичности заключается в несовпадении идеального видения родства (по одной линии — материнской или отцовской), которое соответствует интересам общины, и реальным, "практическим" родством, преследующим свои цели, которые далеко не всегда совпадают с общественными. Таким образом, семантика трактуется как необходимое, но недостаточное средство выявления социальной структуры общества.

В той мере, в какой этнолингвистика считает своей целью реконструкцию картины мира, естественным и логичным представляется переход от моно-

графических исследований, посвященных одному семантическому полю, одной области этнознаний, к обобщающим работам, охватывающим все (или многие) стороны жизни общества, т.е. к словарям и энциклопедиям.

Один из наиболее масштабных проектов — "Энциклопедия пигмеев Ака" под общей реакцией Ж. Тома и С. Баюше [37], плод совместной деятельности лингвистов, экологов, ботаников и музыковедов. Предполагается, что она будет состоять из четырех частей: введения, ака-французского этнографического словаря (11 выпусков), французского-ака алфавитного словника и тематических индексов (технология, растения, животные, социология, физиология). К настоящему времени вышло введение, в котором дается краткий очерк истории и современного состояния племени пигмеев, говорящих на языке ака, три этнографических выпуска и один том двуязычного словаря. Каждый из авторов излагает проблематику и специфическую методологию своей работы. Существенен при этом труд этноэколога С. Баюше, исследовавшего взаимовлияния естественной среды и социальной организации (проблеме приобретения и использования знаний о природе пигмеями целиком посвящена его монография "Пигмеи Ака и центральноафриканский лес" ([38], ср. [39—42])².

Задачу такой энциклопедии авторы формулируют как отражение современного состояния языка и материальной культуры пигмеев, которое позволит "узнать и, может быть, понять образ жизни Ака". Это предполагает отражение взглядов самих носителей языка на то или иное явление, но также и сопоставление их с "объективной реальностью", т.е. точкой зрения западной науки. Словарь составлен в фонологическом порядке: публикация началась с фонемы /p/. В рамках словарной статьи дается возможно более полное грамматическое описание каждой основы (грамматическая категория, затем специфические характеристики в зависимости от категории), указание на место фиксации; этнографическое толкование, которое во многих случаях подкрепляется рисунком, схемой или фотографией; семантические знания, иллюстрируемые цитатой или отсылкой к основному корпусу текстов, синонимы, антонимы; кроме того, указываются варианты слова (основы) внутри одного и того же говора или диалекта, употребления аналогичной или сходной формы в родственных языках. Статьи снабжены также перекрестными отсылками. Этнографический аспект понимается авторами весьма широко, поскольку материальная сфера (охота, собирательство) неразрывно связана с ритуальной, духовной. Так, из статьи *-réngü* мы узнаем, к примеру, что термин может относиться к двум породам деревьев (*Carobolia alba* и *Dracaena mayumbensis*) и что по традиции старший из группы охотников сажает это деревце перед началом охоты; затем его смазывают кровью пойманного или убитого животного. Такое деревце, если ему своевременно приносят жертвоприношения, способствует удачной охоте.

Иной принцип организации материала положен в основу трехтомного "Тезауруса тенда" М.-П. Ферри [43]. В его задачу тоже входит максимально полное воссоздание картины мира носителей языков басари, бедик и коньяги, принадлежащих к подгруппе тенда (атлантическая группа семьи Нигер-Конго), на которых говорят в Сенегале и Гвинее. Но материал в словаре организован не в алфавитном порядке, а тематически (на что собственно и указывает название). Всего таких тем 18, они охватывают как материальную сферу (сельское хозяйство, ботаника, зоология, жилище, одежда, человеческое тело, работа и ремесла), так и духовную, интеллектуальную (религия и верования, этапы жизни,

²Этой работой открылась серия "Этнонауки", в которую, кроме того, вошли монографии [34—36]. Этноэкологические публикации французского общества лингвистических и антропологических исследований вообще довольно многочисленны. Упомянем еще монографию, посвященную естественнонаучным познаниям индейцев ваип [37].

слова и музыка, социальная жизнь), другие абстрактные термины выделены в разделы "пространство и время", "движение и перемещение". Как видим, тематические отделы вполне соответствуют классификациям, принятым в тезаурусах европейских языков. Но наряду с этим автор уделяет отдельную главу джунглям, поскольку они занимают весьма существенное место в данной культуре.

Главная проблема, которая встает перед автором любого подобного словаря-энциклопедии, — это выбор позиции. Очевидно, что житель Гвинеи не воспринимает и не членит мир как француз и что расстояние между словом и опытом, о котором писал в свое время Сэпир, будет разным в разных культурах. Эту сложность Ферри формулирует как несовпадение двух видов знаний — семантического, т.е. категориального, которое в принципе может быть усвоено человеком, посторонним данной культуре, и энциклопедического, "знания о мире", которое, будучи неисчерпаемым, всегда превосходит компетенцию иностранца. Поэтому данный тезаурус представляет собой неизбежный компромис между "европейским" способом категоризировать мироздание и туземным. Так, например, разделы ботаники и зоологии отражают местную классификацию. Другие отделы, в связи с менее очевидной структурой конкретных семантических полей, в разной мере передают точку зрения носителей тренда. Каждый тематический раздел открывается вводной статьей, в которой суммарно излагаются взгляды представителей данной культуры, скажем, на человеческий организм, из нее читатель узнает, например, что тело представляется стволом, что голове и членам приписывается большая автономия. А для того чтобы излечить больного ребенка, нужно прибегнуть к процедуре, которая называется в языке бедих "поиском тела" и состоит в опознании того духа, который вселился в тело больного. Кроме того, сообщаются сведения об использовании названий частей тела. Внутри же раздела лексический и этнографический материал группируется по аналогическому и ассоциативному принципам. Последний том отводится четырем указателям-индексам: на французском и на трех африканских языках.

Помимо собственно энциклопедических задач М.П. Ферри пытается решить и некоторые грамматико-морфологические проблемы, связанные, например, с семантикой именных классов. Благодаря тому, что объектом этнолингвистического описания здесь оказываются три родственных языка, открывается перспектива сравнительных (а в будущем и диахронических) исследований, что для подавляющего большинства африканских культур остается лишь благим пожеланием.

Вообще говоря проблема, для чего и для кого делается словарь, в частности этнолингвистический, встает перед любым автором. В одних случаях главной целью такой работы, растягивающейся на годы (если не на десятилетия), составители полагают описание цивилизации, чтобы сделать ее более доступной для последующего научного изучения либо чтобы сохранить следы исчезнувшей культуры. Этот страх исчезновения с лица земли целых цивилизаций имеет свою давнюю историю, но часто он не лишен оснований. Гораздо реже ученые готовят свои публикации с надеждой, что ими воспользуются бывшие информанты. Поэтому энциклопедия Ж.-П. Оливье де Сардана "Понятия и представления в сонгаи-зарма" [44] заслуживает особого внимания. Сознательно субъективный словник, в котором упор делается на освещение социальных отношений в ущерб материальной сфере, заглавные слова на языке сонгаи, как и тексты примеров, иллюстрирующих словарное и контекстуальное значение слова (французский служит для интерпретации термина—"понятия" и перевода читат), — все это делает, по мысли ученого, энциклопедию доступной как для носителей этих языков, так и для научных кругов.

Другой, находящийся пока в стадии подготовки, двуязычный словарь еврейско-арабского диалекта, над которым работает большая группа специалистов под руководством Ж. Бенсимон-Шукрун [45], также ставит своей задачей

дать энциклопедическое описание исчезающего языка, а тем самым и целой культуры. В этом словаре при описании слова или элемента слова (что определяется спецификой семитских языков) даются лингвистические контексты (а также и культурные и исторические), одним словом все, что позволяет восстановить специфику еврейских общин, живших в течение многих веков в мусульманской среде. Иначе говоря, двуязычный этнолингвистический словарь должен, по убеждению авторов, стремиться к наиболее полному определению как означаемого, так и означающего в максимально разнообразных контекстах. При этом контексты и трактовки одних и тех же явлений могут противоречить друг другу: так, традиционное толкование, воспроизведенное коллективной памятью, названия одной из синагог не соответствует исторической реальности, но само по себе оно характеризует ментальность общины. Работы по сбору и подготовке материала к печати ведутся по темам (чтение-письмо-книга, эстетика тела, родство, ювелирное дело, кулинарное искусство, одежда, праздник и т.д.), один из образчиков (традиционная кухня) опубликован во втором выпуске "Рабочих документов" группы. Исходный корпус, который будет напечатан как приложение к словарю, включает в себя как "рассказы о жизни", об обрядах (например, связанных с семейным циклом), так и молитвы, песни, заговоры, пословицы, местные предания.

Сегодняшняя ситуация носит в некотором смысле парадоксальный характер. С одной стороны, этнолингвистика сумела утвердиться в качестве самостоятельной области языкознания, она преподается как отдельная специальность в двух парижских университетах, в Страсбурге и Тулузе, "Тетради ЛАСИТО" с 1989 г. стали называться "Этнолингвистическим журналом", продолжает выходить "Америндия. Журнал по этнолингвистике американских индейцев". С другой, применение термина "этнолингвистика", как нам представляется, в большой мере зависит от традиций, сложившихся в каждом конкретном научном коллективе, от индивидуальных симпатий и в некотором смысле от моды: так, по нашему впечатлению, термин в последнее время стал употребляться гораздо реже, чем еще лет десять назад. Показателен в этом отношении сборник "Зерна слов. Сила слова и устная культура" [46], выпущенный к юбилею Ж. Калам-Гриоль, где основная масса авторов по-прежнему называет себя "этнолингвистами", но лишь в двух-трех статьях употребляется это понятие.

Такая же картина складывается при чтении упоминавшихся выше специализированных журналов. Причин тому, наверное, много. Во-первых, появление нового термина не было отражением новой проблематики, а лишь дало обозначение тем областям научных интересов, которые уже утвердились на практике. Во-вторых, ожесточенные споры вокруг терминов и порождение все новых и новых по данной модели — этнознания, этномузыковедение и даже этнограмматика — не привели к выработке ни новой теории, ни новых методологических инструментов. И наконец, третья причина кроется, думается, и в общей ситуации: в Соединенных Штатах, откуда этнолингвистика пришла во Францию, интерес к ней пропал еще раньше. Новейшая "Международная лингвистическая энциклопедия" вообще не упоминает данный термин, а выделяет три независимых направления: этнографию речи, этносемантику и этнопоэтику. Из приложенных списков литературы следует, что по-прежнему актуальна лишь последняя (соответствующая французской "этнолингвистике устной культуры" [47]. Как во Франции сложится судьба "отпочковавшихся" от этнолингвистики дисциплин — покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. La linguistique: Guide alphabétique / Ed. par. Martinet A.P., 1969.
2. Potier B. Le domaine de l'ethnolinguistique // *Langages*. 1970. N° 18.
3. Calame-Griaule G. Ethnologie et sciences du langage // *Les sciences du langage en France au XX-ième siècle* / Ed. par Potier B. P., 1992.

- 4 Ethnolinguistique Contributions theoriques et methodologiques / Ed par Alvarez Pereyre F P, 1981
- 5 Linguistique, ethnologie, ethnolinguistique (la pratique de l'anthropologie aujourd'hui) / Ed par Thomas JMC P, 1985
- 6 Bonvini E L'ethnolinguistique entre la pluridisciplinarite et l'unidisciplinarite // La linguistique 1981 N° 17
- 7 Les langues sans tradition ecrite Methodes d'enquete et de description // Actes du colloque international du CNRS Nice 28 juin—2 juillet 1971 P 1974
- 8 Enquete et description des langues a tradition orale / Ed par Thomas JMC Bouquiaux L V 1—3 P 1971
- 9 Grande Larousse V 6 P 1989 P 3988
- 10 Alvarez Pereyre F Fabulation et pouvoir de la parole La situation en province du Maine P, 1983
- 11 Alvarez-Pereyre F Qu'est ce que parler? Langue et societe en Sarthe et en Mayenne P 1983
- 12 Dingirard J C Ethnolinguistique de la Haute Vallee de Gers Lille 1976
- 13 Fabre D Lacroix J Lafont R Perspectives en ethnolinguistique occitane // Ethnologie française 1973 N° 3—4
- 14 Bouvier J C Ravier X Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France // Le monde alpin et rhodanien 1976 N° 1—2
- 15 Ravier X Le recit mythologique en Haute-Bigorre Aix en Provence, 1986
- 16 Calame Griaule G Ethnologie et langage La parole chez les Doghons P 1987
- 17 Cohen M Pour une sociologie du langage P 1956
- 18 Griaule M Jeux dogons P 1938
- 19 Griaule M Mascues dogons P, 1938
- 20 Griaule M Dieux d'eau Entretiens avec Ogotemmel P, 1948
- 21 Griaule M Dieterlen G Le renard pale P 1965
- 22 Calame Griaule G Pour une etude des gestes narratifs // Langages et cultures africaines / Ed par Calame-Griaule G P, 1977
- 23 Seydou Ch La devise dans la culture peule // Langages et cultures africaines / Ed par Calame Griaule G P, 1977
- 24 Rey-Hulman D Les bilinguismes litteraires Signification sociale de la litterature orale iyokossi (Togo) P 1981
- 25 Zervudacki C Une plousanterie dans un cafe de village grec Pour une microethnographie de la communication essai d'analyse conversationnelle Lyon 1982
- 26 Langues et techniques, nature et societe 1 Approche linguistique 2 Approche ethnologique, approche naturaliste / Ed par Thomas J, Bernot L P, 1972
- 27 Le riz en Asie du sud-est Atlas du vocabulaire de la plante / Sous la direction de Revel N V 1—3 P 1988
- 28 Aspects de l'espace en Europe / Ed par Alvarez Pereyre F P 1979
- 29 L'expression du temps dans quelques langues de l'Ouest africain / Ed par Lacroix P F P 1972
- 30 Voir et nommer les couleurs / Ed par Tornay S Nanterre 1978
- 31 Les figures du corps / Ed, par Beffa M L, Hamayon R Nanterre 1989
- 32 La main et les doigts dans l'expression linguistique / Ed par Sivers F P, 1982
- 33 Drettas G La mere et l'outil Contribution a l'etude semantique du tissage rural dans la Bulgarie actuelle P, 1980
- 34 Drettas G Le cavalier glouton Contribution a l'etude de la theorie populaire de vampirisme balkanique // Textes offerts à L. Bernot P, 1986
- 35 Therrien M Le corps inuit P, 1987
- 36 Claudot H La semantique au service de l'anthropologie Recherche methodologique et applications (étude) de la parente chez les Toauregs de l'Ahaggar P 1982
- 37 Encyclopedie des Pygmées Aka Techniques, langage et societe des chasseurs cueilleurs de la foret centrafricaine T I Les Pygmées Aka Introduction a l'Encyclopedie P 1983 T II Dictionnaire Aka français P, 1981, T I fasc 2 Le monde des Aka, P 1992 T I fasc 3 La societe P 1992 T I fasc 4, La langue P, 1992
- 38 Bahuchet S Les Pigmees Aka et la forêt centrafricaine P 1985
- 39 L'ours polaire et les inuit P, 1986
- 40 Auberle Sallenave F Bois et bateaux du Vietnam P 1987
- 41 Skoda F Medicine ancienne et metaphore Le vocabulaire de l'anatomie et de la pathologie en grec ancien P, 1988
- 42 Grenand P Introduction a l'etude de l'Univers Wayap Ethnoecologie des indiens de Haut Oyapock (Guyane française) P, 1980
- 43 Ferry M P Thesaurus tenda Dictionnaire ethnolinguistique tenda baesari, bedik, konyagi P 1991
- 44 Olivier de Sardan J P Concepts et conceptions songhay zarma histoire culture societe P 1962
- 45 JAREL Documents de travail 1—2 P, 1991—1992
- 46 Graines de parole Puissance du verbe et tradition orale P 1989
- 47 International encyclopedia of linguistics / Ed by Bright W New York Oxford 1992